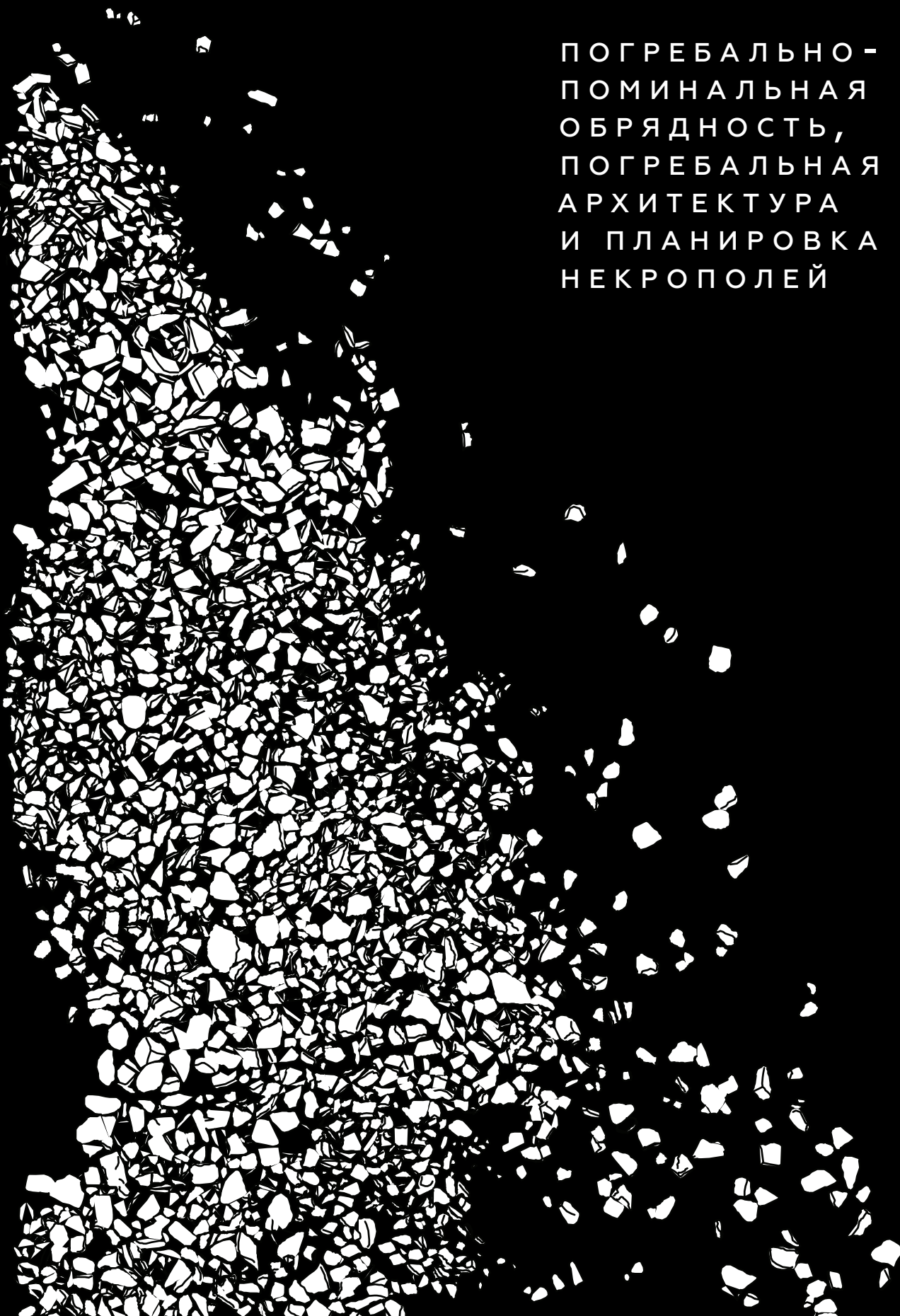

ДРЕВНИЕ НЕКРОПОЛИ:

ПОГРЕБАЛЬНО-
ПОМИНАЛЬНАЯ
ОБРЯДНОСТЬ,
ПОГРЕБАЛЬНАЯ
АРХИТЕКТУРА
И ПЛАНИРОВКА
НЕКРОПОЛЕЙ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUT FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
THE STATE HERMITAGE MUSEUM
PROCEEDINGS. VOL. 47

**ANCIENT NECROPOLISES —
FUNERAL AND MEMORIAL RITUALISM, ARCHITECTURE
AND PLANNING OF NECROPOLISES**

St. Petersburg

2018

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
ТРУДЫ ИИМК РАН. ТОМ 47

**ДРЕВНИЕ НЕКРОПОЛИ —
ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ,
ПОГРЕБАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА
И ПЛАНИРОВКА НЕКРОПОЛЕЙ**

Санкт-Петербург

2018

УДК 902/904

ББК 63,4

Древние некрополи — погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей. Труды ИИМК РАН. Т. 47. — Санкт-Петербург, ИИМК РАН, Гос. Эрмитаж. — 256 с., ил.

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН
Approved for publication by the Academic Board of IHMK RAS

Редакционная коллегия: Е. Н. Носов (отв. ред.), М. Е. Килуновская, Н. А. Лазаревская, С. А. Яценко
Editorial board: E. N. Nosov (editor-in-chief), M. E. Kilunovskaya, N. A. Lazarevskaya, S. A. Yatsenko

Перевод на английский язык А. В. Семёнов
English translation: A. V. Semenov

Рецензенты: доктор исторических наук В. А. Лапшин, доктор исторических наук А. Ю. Алексеев, кандидат исторических наук В. А. Алёкшин
Reviewers: Doctor of Historical Sciences V. A. Lapshin, Doctor of Historical Sciences A. U. Alekseev, Candidate of Historical Sciences V. A. Alekshin

Предлагаемый читателю сборник является публикацией материалов представительного международного Круглого стола «Древние некрополи: погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей», проведенного в Петербурге в ноябре 2016 г. Он является второй из задуманной серии подобных встреч, посвященных малоисследованным аспектам погребальной обрядности, отражению в материалах археологии ментальности и субкультурной специфики. В публикуемых текстах особое внимание уделяется закономерностям внутренней планировки некрополей и святилищ, междисциплинарному исследованию памятников такого рода, редким формам погребальных и надмогильных сооружений, обрядам обезвреживания умерших, в том числе с их черепами, человеческих жертвоприношений, реконструкции средневековых наземных склепов (выглядеющих сейчас как курганы) и т.п. Тексты размещены в хронологической последовательности от неолита к позднему средневековью. Сборник будет полезен археологам, религиоведам, этнографам, историкам и всем интересующимся древней религией и культурными корнями ряда современных традиций.

We are glad to offer this digest to the readers. This is the publication of the materials of representative international Round table «Ancient necropolises: funeral and memorial ritualism, architecture and planning of necropolises», which took part in St.-Petersburg, November 2016. It is second in series of similar meetings, dedicated to the little-explored aspects of funeral ritualism. One of those aspects is the reflection of mentality and sub-cultural specifics in archaeological materials. In the published texts special attention is paid to the regularities of internal planning of necropolises and sanctuaries, interdisciplinary research of this type of sites, rare forms of burial constructions, "disarming" rituals with bodies and skulls, human sacrifices, reconstruction of the medieval land crypts (which now look like barrows), etc. Texts are arranged in chronological sequence from Neolithic to Late medieval. Digest would be useful for archaeologists, ethnologists, religious scholars, historians and everyone who wish to study ancient religions and cultural roots of some modern traditions.

На лицевой стороне обложки: могильник Эки-Оттуг 2, курган 1, Тыва

ISBN 978-5-93572-816-8

© Институт истории материальной культуры РАН /
Institute for History of Material Culture RAS, 2018

© Государственный Эрмитаж /
The State Hermitage Museum, 2018

© Авторы статей / Authors of papers, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	9
Перцева М. А. Ямы с фигурными выемками — особый вид погребений среднего бронзового века	10
Ковалев А. А. Могильные ямы, моделированные по форме повозки, в Синьцзяне и Восточном Казахстане: их датировка и происхождение	25
Куприянова Е. В., Кириллов А. К. Роль и функции рва в погребальных комплексах эпохи бронзы Южного Зауралья	34
Рафикова Я. В. Антропоморфные стелы в погребальной обрядности эпохи поздней бронзы Южного Зауралья	40
Лазаретов И. П., Морозов С. В., Поляков А. В. Новые данные о манипуляциях с черепами в погребальном обряде окуневской культуры	51
Усманова Э. Р. Кефалотафия по-андроновски (по материалам погребений Лисаковской округи II тыс. до н. э.)	57
Боковенко Н. А. Вход в погребальное сакральное пространство у древних народов Среднего Енисея IV—I тыс. до н. э.	63
Ташбаева К. И. К семантике входов и дромосов в срубных конструкциях ранних кочевников Внутреннего Тянь-Шаня	71
Агульников С. М. О топографии и планировке могильника белозерской культуры Причерноморья	79
Малюкевич А. Е., Агульников С. М. Курганные некрополи Днестровского Правобережья	86
Килуновская М. Е. Погребальные памятники Тувы от древности до средневековья	92
Кисель В. А. Человеческие жертвоприношения могильника Догээ-Баары в Туве	106
Семенов Вл. А. Планиграфия могильников Суглуг-Хем I и Суглуг-Хем II в Туве (III—II вв. до н. э.)	113
Бородовский А. П. Погребальное пространство в контексте политкультурности (по материалам Быстровского некрополя эпохи раннего железа на Верхней Оби)	123
Шишкин А. С., Волков П. В., Зубова А. В., Кишкурно М. С. Выставление голов у носителей каменной культуры Верхнего Приобья (по материалам Быстровского некрополя)	134
Субботин А. В. Курганные некрополи тагарской культуры на юге Назаровской котловины ..	144
Акулов А. Г. «Время котов». Великолепные полтора века мемориалов тагарских нобилей ...	149
Вадецкая Э. Б. Отражение в коллективных могилах Енисея представлений о смерти индивида и возрождении социума	164
Козленко Р. А. Обряд обезвреживания погребенных в Нижнем Побужье в античный период	174
Федоров В. К. Вторжения в могилы единоплеменников при совершении новых захоронений у ранних кочевников Южного Урала VI—I вв. до н. э.	181
Сиротин С. В. Планиграфическое отражение основных этапов сооружения курганного могильника Переволочан I в Зауральской Башкирии	192
Ивченко А. В. Постпогребальная обрядность на некрополе Ольвии	201
Полин С. В. Об ограблении скифских курганов в Северном Причерноморье	206
Симонян А. Е., Атоянц Е. А. Некрополь Тейшебаини	216
Яценко С. А. Возможности анализа планиграфии малых сарматских некрополей	224

Андрух С. И., Тоцев Г. Н. Археологические культуры Северного Причерноморья в фокусе Мамай-Горы	232
Смагулов Е. А. Место наземных склепов в погребальном обряде раннесредневековой Сред- ней Азии	241
Список сокращений	251
Сведения об авторах	253

CONTENTS

Introduction	9
Pertseva M. A. Pits with figured recesses — special type of burial constructions of middle Bronze Age	10
Kovalev A. A. Grave pits modelled by the shape of cart in Xinjiang and Eastern Kazakstan: dating and origins	25
Kupriyanova E. V., Kirillov A. K. Role and functions of a moat in burial complexes of Bronze Age of Southern Trans-Urals.	34
Rafikova Ya. V. Stone anthropomorphic steles in the funeral rites of late Bronze age of Southern Trans-Urals	40
Lazaretov I. P., Morozov S. V., Polyakov A. V. New data on manipulations with skulls in the funeral rite of Okunevo culture	51
Usmanova E. R. Kefalotaphy in Andronovo culture (by the materials from burials of Lisakovskaya okrug of 2 nd millenium B. C.)	57
Bokovenko N. A. Entrance into the sacred funeral space among the ancient peoples of Middle Yenisei IV–I millenium B. C.	63
Tashbaeva K. I. To the semantics of dromoses and entrances in the timber constructions of Inner Tien-Shan early nomads	71
Agulnikov S. M. About topography and planning of Belozerskaya culture cemeteries	79
Malyukevitch A. E., Agulnikov S. M. Barrow necropolis of the Dniester Right Bank	86
Kilunovskaya M. E. Burial sites of Tuva from primeval to medieval ages	92
Kisel V. A. Human sacrifices on Dogae-Baary cemetery in Tuva	106
Semenov VI. A. Planigraphy of Suglug-Khem I and Suglug-Khem II cemeteries in Tuva (III–II centuries B. C.)	113
Borodovskiy A. P. Funeral space in the context of polyculturalism (on materials from Bystrovsky necropolis of early Iron Age on Upper Ob)	123
Shishkin A. S., Volkov P. V., Zubova A. V., Kishurko M. S. Exposing of heads among the bringers of Kamenskaya culture of Upper Ob (on materials from Bystrovsky necropolis)	134
Subbotin A. V. Barrow fields of tagarskaya culture in the south of the Nazarovo basin	144
Akulov A. G. «Time of cats». Amazing century of Tagarskaya noble monuments	149
Vadetskaya E. B. Death of an individual and revival of society reflected in collective graves of Yenisei basin	164
Kozlenko R. A. Rite of disarming of the buried bodies among population of Lower Pobuzhue ...	174
Fedorov V. K. Encroaching of tribe-mate graves during the creation of new burials among nomads of Southern Urals at VI–I centuries B. C.	181
Sirotnin S. V. Planigraphic reflection of the main constructional stages of Perevolochan barrow cemetery in Trans-Ural Bashkiria	192
Ivchenko A. V. After-funeral rituals on Olbia necropolis	201
Polin S. V. About the despoilment of Scythian mounds in Northern Black Sea Coast	206
Simonyan H. E., Atoyantz E. L. Necropolis Teyshebaini	216

Yatsenko S. A. Possibilities of minor sarmatian necropolises planographic analysis	224
Andruh S. I., Tosheev G. N. Archaeological cultures of Northern Black Sea Coast in focus of Mamai-Gora	232
Smagulov E. A. Place of surface crypts in the funeral rite of early-medieval Central Asia	241
List of abbreviations	251
List of contributors	253

А. С. Шишкин, П. В. Волков, А. В. Зубова, М. С. Кишкурно

ВЫСТАВЛЕНИЕ ГОЛОВ У НОСИТЕЛЕЙ КАМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ БЫСТРОВСКОГО НЕКРОПОЛЯ)

Обряд публичного выставления головы человека, насаженной на кол, пест или копьё, был широко распространен у населения Северной Евразии эпохи раннего железного века. Он неоднократно был описан в трудах античных авторов, его изображения присутствуют на некоторых ювелирных изделиях этого периода. Палеоантропологических свидетельств подобных манипуляций на материалах коллекций скифского времени до сих пор зафиксировано не было.

В краниологической коллекции из некрополя гунно-сарматского времени Быстровка-2 (Новосибирское Приобье, V–II вв. до н. э.) было обнаружено три черепа со следами преднамеренных повреждений, которые впервые можно однозначно интерпретировать как свидетельства насаживания на песты или колья. Их комплекс включает в себя следы декапитации, выполняемой без нарушения целостности позвоночного столба, и травмы мозгового отдела черепа тупым твердым предметом. Последние были нанесены по направлению изнутри наружу, и обеспечивали жесткую фиксацию головы на песте. В одном случае была зафиксирована травма от чекана.

Водружение голов, вероятно, было приурочено к завершающей стадии функционирования кургана (или могильника в целом — курган № 9 является одним из самых поздних в некрополе) в качестве места проведения погребальных ритуалов и носило апотропейное значение.

Ключевые слова: ранний железный век, каменная культура, Быстровский некрополь, декапитация, ритуальное выставление голов, преднамеренные манипуляции с черепом

Введение. Комплекс курганных могильников Быстровка-1, 2, 3 расположен на правом берегу Новосибирского водохранилища, к северо-востоку от с. Быстровка Искитимского района Новосибирской области. Он функционировал в пределах последней трети I тыс. до н. э. и относится к большереченской (каменной) культуре эпохи раннего железного века. К настоящему времени некрополь изучен практически полностью и считается наиболее значимым погребальным комплексом гунно-сарматского времени лесостепного Приобья (*Бородовский*, 2002; *Дураков и др.*, 1995; *Дураков, Мжельская*, 1995). Могильник Быстровка-2 является самым поздним и самым масштабным (более 250 погребенных) из трех памятников в составе некрополя. Анализ предметного комплекса относит его к периоду от последней трети I тыс. до н. э. до рубежа эр.

При изучении погребальной обрядности и антропологических материалов Быстровского некрополя было выявлено многообразие прижизненных и посмертных манипуляций с головами и (или) черепами погребенных здесь людей. Е. Г. Шпаковой и А. П. Бородовским были выявлены и частично проинтерпретированы следы скальпирования, искусственной деформации, прижизненных и посмертных трепанаций, окраски голов минеральным красителем (*Бородовский*, 1997; 1998; 2002; *Бородовский и др.*, 2010).

Данная работа посвящена интерпретации еще одного вида манипуляций с черепами, следы которых были выявлены на материалах кургана № 9, относящегося к финальному этапу функционирования могильника Быстровка-2.

В западной поле кургана, на уровне дневной поверхности было зафиксировано захоронение трех изолированных черепов с нижними челюстями, находящимися в анатомическом сочленении. Оно сопровождалось двумя керамическими сосудами, по форме и орнаментации отличающимися от каменных. Один из них типичен для кулайской культуры эпохи РЖВ Западной Сибири, второй — для саргатской (рис. 1).

Первоначальное обследование находок было выполнено А. П. Бородовским и Е. Г. Шпаковой, которые выявили на всех трех черепах два вида посмертных повреждений — посмертное расширение больших затылочных отверстий и повреждение свода, не связывая их в единый комплекс. А. П. Бородовский интерпретирует наблюдаемые повреждения как следы энцефалофагии — поедания

мозга, но допускает и иные варианты их интерпретации — как в качестве ритуальных, выполняемых с целью освободить душу погребенного, так и в качестве манипуляций медицинского характера (Бородовский, 2002. С. 103–104). Проведенное нами повторное палеоантропологическое и трасологическое обследование черепов из этого комплекса, основным результатам которого посвящена данная работа, позволило предложить иную интерпретацию выявленных повреждений и связать их с известным по письменным и материальным источникам обычаем выставления голов на кольях (шестах, копьях и т. п.).

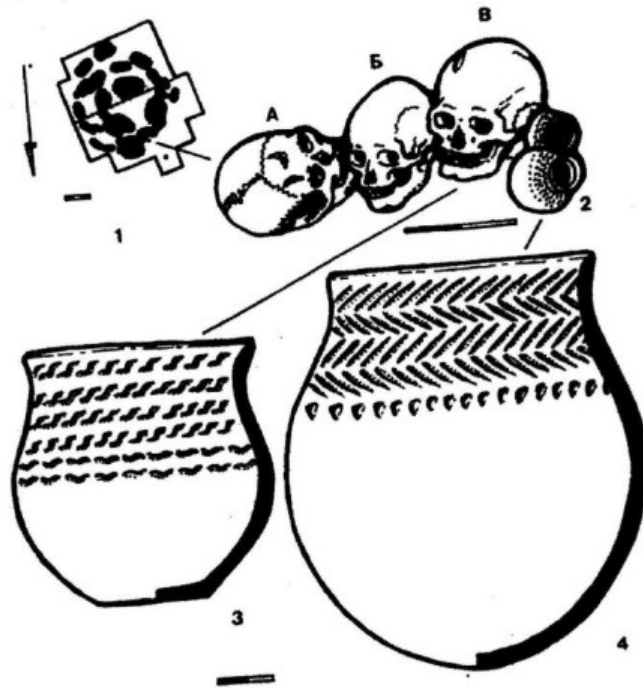

Рис. 1. План захоронения в насыпи кургана № 9 могильника Быстровка 2 (Бородовский, 2002. С. 101, рис. 83)

Методы и материалы. Основным материалом для исследования послужили три черепа (череп «А», череп «Б» и череп «В»), обнаруженные в насыпи кургана № 9 могильника Быстровка-2. Они были обследованы по комплексной палеоантропологической программе, включавшей в себя определение биологического пола и возраста смерти погребенных, характеристику их краниологического облика и морфологии зубной системы, анализ патологического статуса, а также детальный трасологический анализ выявленных повреждений.

Пол погребенных определялся на основании морфологических характеристик черепов в ключевых областях, возраст — по степени облитерации швов экзокрана и эндокрана и состоянию зубной системы. Краниологическое и одонтологическое обследование выполнялось по стандартным программам, принятым в отечественной и зарубежной антропологии (Алексеев, Дебец, 1964; Зубов, 1968; 2006).

При микроскопическом анализе поверхности черепов в местах локализации повреждений применялась трасологическая методика, разработанная С. А. Семеновым и Г. Ф. Коробковой (Семенов, 1957; Коробкова, 1999). Для сравнительного анализа использовались материалы Сибирской эталонной коллекции трасологических стандартов и опыт работы с материалами археологических коллекций Северной и Центральной Азии (Волков, 2013).

Особенностям биологических характеристик индивидов, чьи черепа были обнаружены в комплексе, будет посвящена специальная работа. Главная задача данной статьи — реконструкция манипуляций с головами, повлекших за собой появление повреждений на черепах, и характеристика их мифоритуального контекста.

Описание следов манипуляций.

Череп «А». Череп «А» принадлежал женщине в возрасте 20–25 лет. На нем было зафиксировано несколько повреждений, имеющих различный генезис.

Рис. 2. Череп «А». Травма затылочной кости

На правой теменной кости, практически на затылочном шве, на расстоянии примерно двух сантиметров от точки его соединения с сагиттальным швом, присутствует повреждение травматического происхождения (рис. 2). Оно имеет округлую форму, диаметр примерно 12 мм. Мезиальный край отверстия поврежден посмертно. Травму можно интерпретировать как след проникающего удара острым предметом, схожим с чеканом. Об этом свидетельствует характерная смятость костной ткани по краям отверстия и незначительные сколы компакты на поверхности эндокрана. По всей видимости, оружие, которым нанесли удар, было сразу извлечено из раны, на что указывает наличие смятости кости на внутреннем крае отверстия со стороны сагиттального шва.

Еще одно похожее повреждение фиксируется в левой половине затылочной кости, тремя с половиной сантиметрами ниже затылочного шва. Описать его подробно не дают возможности посмертные повреждения черепа и отсутствие фрагмента, ограничивающего одну из сторон травмы. Диаметр отверстия аналогичен наблюдаемому на теменной кости.

Рис. 3. Нижний ряд справа — череп «А», линия среза костного материала ножом, использованным в качестве долота. Слева — череп «А», следы длинной части клинка ножа. Верхний ряд слева — череп «Б», линия среза костного материала ножом. Справа — череп «В», совпадение линий деформации черепа в зоне неба на внутренней и внешней поверхности черепа

В районе затылочного синхондроза (шва, соединяющего затылочную и основную кость) и пирамид височных костей наблюдаются два повреждения, берущих начало в области так называемого рваного отверстия (*foramen lacerum*). Они представляют собой широкие, удлиненные плоскости, сформированные в результате применения режуще-рубящего орудия (рис. 3), локализованные симметрично с обеих сторон черепа и пересекающиеся в районе сфеноокципитального соединения. Кроме того, в нижней части затылочной кости, в районе анатомической локализации границ мягких тканей шеи, присутствуют следы преднамеренного удаления ее базального отдела, технология которого не вполне понятна из-за плохой сохранности костной ткани. Если на черепах «Б» и «В» присутствуют без-

условные следы орудия, при помощи которого выламывались и удалялись костные фрагменты (см., например, рис. 4), то здесь признаки преднамеренного воздействия фиксируются только на основании морфологических макропризнаков.

Рис. 4. Череп «Б». Следы использования рубящего орудия для разрушения затылочной кости

В результате зафиксированных манипуляций основание черепа было полностью удалено, и на его месте сформировано отверстие подтреугольной формы с расширением в области чешуи затылочной кости (рис. 5).

Рис. 5. Зоны деформации в основании черепов: а — череп «Б», б — череп «В», в — череп «А»

На нижней челюсти погребенной наблюдается повреждение левого угла, выполненное по свежей кости. К сожалению, посмертные разрушения не позволяют определить его генезис.

Череп «Б». Череп «Б» принадлежал юноше в возрасте 17–20 лет. На нем отсутствуют травмы от чекана, но также, как на черепе «А», наблюдаются явные следы преднамеренного разрушения основания черепа (рис. 3, 5). Разделение затылочной и основной костей в данном случае было в значительной мере облегчено неполной облитерацией затылочно-основного соединения. При помощи двух продольных разрезов (рис. 3), аналогичных наблюдаемым на черепе «А», было выполнено разделение базальной части затылочной кости и височных костей. Затем базальная часть была отсечена от чешуи затылочной кости несколькими ударами, и в данном случае в области выйных линий были зафиксиро-

ваны безусловные следы использования рубящего инструмента с относительно острым рабочим краем (рис. 4). Анализ кинематики рабочего перемещения орудия и специфика дислокации следов его воздействия на костный материал в основании черепа позволяют определить основную функцию использованного инструмента как долото (орудие с заостренным рабочим краем и предназначенное для выдалбливания отверстий в относительно твердых материалах, как правило, органического происхождения) (Волков, 2013. С. 110–111). Вполне вероятно, что в данном случае в качестве долота мог использоваться нож.

Также, как и на черепе «А», результатом манипуляций стало полное удаление основания черепа и формирование широкого отверстия подтреугольной или подтрапециевидной формы.

На чешуе затылочной кости, с правой стороны, в районе, прилежащем к середине затылочно-теменного шва, отмечена травма, представляющая собой следствие намеренного прободения черепной коробки с внутренней стороны (рис. 6). Характерные очертания «входных» отверстий с ровными краями и «выходных» со следами выкрашивания компакты по периметру свидетельствуют о применении в данном случае тупого твердого предмета.

Рис. 6. Входные (верхний ряд) и выходные (нижний ряд) участки пробивания черепов.
Слева — череп «Б», справа — череп «В»

Череп «В». Череп «В» принадлежал мужчине в возрасте 20–30 лет. Зафиксированные на нем повреждения по своему характеру аналогичны наблюдаемым на черепе «Б». Здесь также наблюдаются следы продольных разрезов, отделивших основание затылочной кости от височных костей (рис. 3), следы разрубов в области вийных линий (рис. 5), и присутствует травма черепа тупым твердым предметом, нанесенная изнутри.

Она локализована в центре правой половины венечного шва, имеет неправильные очертания, и также, как на черепе «Б», окружена широкими сколами компакты (рис. 6). Основное различие между двумя повреждениями заключается в том, что на черепе «В» при нанесении удара пластинка компакты отделилась не полностью, и с внешней стороны отверстия видны следы ее подрезания.

Обсуждение. На трех черепах, захороненных в насыпи кургана № 9, можно констатировать наличие трех видов преднамеренных манипуляций: пробивания головы чеканом, разрушения костей основания черепа, и пробивания черепной коробки твердым тупым предметом по направлению изнутри наружу.

Ни на одном из черепов не было обнаружено повреждений сосцевидных или шиловидных отростков, которые бы свидетельствовали об отсечении головы от тела, предвещающем разрушение костей основания, хотя в коллекции из Быстровского некрополя черепа с такими повреждениями имеются. Анатомически порезы и надрубы, фиксируемые на всех трех черепах, располагаются по границе мягких тканей шеи и головы, не заходя внутрь области, занимаемой позвоночным столбом и прилежащими органами. Их расположение позволяет говорить о том, что обсуждаемые манипуляции правильнее будет обозначить не как «удаление костей основания черепа», поскольку это не являлось самостоятельной целью выполняемых действий, а как один из видов декапитации, выполняемый без нарушения целостности позвоночного столба. Во всех трех случаях она выполнялась путем вонзания ножа под подбородок жертвы с последующим выполнением симметричных боковых надрезов, надрубанием и выламыванием части затылка, связанной с позвоночником. Возможно, что повреждение угла нижней челюсти, наблюдаемое на черепе «А», является случайным порезом, нанесенным в момент выполнения первоначального удара под подбородок.

Можно предполагать, что отделение головы жертвы от позвоночного столба выполнялось человеком (или людьми), в какой-то мере знакомым с особенностями ее анатомического строения. Первоначальное проникновение ножа в полость черепа выполнялось путем его вертикального введения в т. н. рваное отверстие. Дальнейшая траектория разрезов, выполняемых по направлению к яремному отверстию, была ориентирована на места расположения крупных сосудов, что уменьшало необходимость применения серьезных физических усилий. Поскольку на костях черепа в большинстве случаев отсутствуют дублирующие порезы, которые могли бы свидетельствовать о нескольких попытках интуитивного нахождения оптимальной траектории, можно предполагать, что человек, выполнявший манипуляцию, был знаком с внешними анатомическими ориентирами ключевых точек. Нужно отметить, однако, что строгого соответствия разрезов анатомическому строению черепа не наблюдается ни в одном случае, каждая из травм имеет индивидуальные особенности.

Разрушение костей основания являлось лишь первым этапом выполняемого действия, предназначенного для обеспечения возможности проникновения в полость черепной коробки. В двух случаях из трех за ним последовало нанесение травм свода черепа изнутри наружу тупым твердым предметом. Характер повреждений говорит о том, что они были вызваны насаживанием голов с сохранившимися мягкими тканями на твердое основание (шест, кол и т. п.). По всей вероятности, это делалось с целью их выставления для публичной демонстрации.

Отверстия в своде черепа имели важную функциональную нагрузку. Они фиксировали голову на конце шеста таким образом, что по мере разложения мягких тканей она не могла упасть на землю. Ориентация лица вывешенных голов при этом, по всей видимости, не имела большого значения. Шест проходил таким образом, что у черепа «Б» оно было обращено вниз, к земле, у черепа «В» — к горизонту. У черепа «А» фиксирующую роль могла выполнять травма от чекана, в этом случае его лицевой отдел тоже был обращен к земле.

До настоящего времени достоверных палеоантропологических свидетельств ритуального выставления голов на шестах было известно крайне мало. Единственная известная нам находка происходит с позднеолитического поселения на р. Модлоне. У одного из жилищ был обнаружен череп молодой женщины, насаженный на деревянный кол, причем последний частично сохранился внутри черепной коробки. По заключению М. М. Герасимова, освобожденный от мягких тканей череп с намеренно выломанными костями основания был насажен на тупой кол и в течение довольно долгого времени выставлялся вблизи жилища (Герасимов, 1955. С. 336–342).

Одним из главных аргументов в пользу этого предположения стало наличие на черепе характерных следов выветривания. Анализ структуры внешней поверхности черепов из насыпи кургана № 9 могильника Быстровка-2 показал, что они также подверглись сильной ветровой эрозии, которая привела к изменению цвета и структуры костной ткани. Особенно это заметно при сравнении с черепами, погребенными в закрытых могильных комплексах Быстровского некрополя. Черепа из обычных могил имеют желтоватую окраску костной ткани с гладкой и плотной поверхностью компакты. Че-

репа из комплекса в насыпи кургана № 9 характеризуются серо-коричневым цветом костей, поверхность которых шершавая и покрыта множеством мелких царапин. Изначальная окраска и нормальная структура компакты сохранились только в местах соединения отдельных костей, закрытых от воздействия ветра.

Таким образом, не только характер повреждений черепов, но и наличие специфических изменений окраски и структуры их внешней поверхности подтверждают гипотезу о том, что носители каменной культуры Новосибирского Приобья практиковали выставление голов людей на пестях в ритуальных целях. О том, что это были именно головы, а не черепа, помимо положения повреждений оснований свода по границам мягких тканей шеи, говорит отсутствие следов преднамеренного удаления мягких тканей на костях и наличие в ритуальном комплексе нижних челюстей от всех трех черепов, находящихся в анатомическом сочленении.

Точно определить место, где были выставлены головы, и время, на протяжении которого продолжалась их демонстрация, затруднительно. В публикации материалов ритуального комплекса отсутствуют сведения о стратиграфии и о том, были ли поблизости зафиксированы остатки кольев (*Бородовский, 2002*). Соответственно утверждать, что первоначально ритуал выполнялся именно там, где были захоронены черепа, мы не можем. Длительность экспонирования определить также весьма сложно, поскольку она определяется на основании степени разложения мягких тканей, сроки которого сильно зависят от температурного режима, в условиях которого протекает процесс. Присутствие следов выветривания на всех открытых поверхностях черепов «А», «Б» и «В» свидетельствует о полном разложении покровов к моменту захоронения. Сохранение целостности височно-нижнечелюстного сустава, однако, говорит о том, что разложение связок еще не завершилось. При благоприятных условиях, мягкие ткани трупа, находящегося на поверхности земли, могут полностью разложиться в течение трех-четырёх летних месяцев, хотя отмечается, что части расчлененных трупов разлагаются медленнее, в силу их обескровливания (*Судебная медицина...*, 1998. С. 341). Учитывая природно-климатические условия Западно-Сибирской лесостепи и высокую вероятность частичного расклеивания мягких тканей выставленных голов птицами, можно принять этот срок в качестве граничного.

Остановимся на смысловом содержании реконструированных действий. Археологические свидетельства посмертных манипуляций с головой или черепом умершего — нередкое явление. Следы таких действий в фиксируются уже в эпоху раннего палеолита. В последующие эпохи их число только растёт, а способы такого обращения становятся все более разнообразными.

Особое отношение людей традиционной культуры к голове (черепу) человека вполне понятно: голова, в частности, лицо человека, являются средоточием наиболее индивидуальных его черт; их особенности, включая причёску, мимику; черты лица определяют индивидуальный запоминаемый образ человека и служат для его идентификации. Соответственно, именно голова (или часть ее, в частности, волосы) воспринималась как вместилище жизненной силы, души, «мань» человека. Кроме того, характер ритуального обращения с головой человека после его смерти в значительной степени должен был определяться отношением лиц, исполнявших ритуал, к умершему. Череп — вместилище души, жизненной силы — сохранялся и использовался в качестве талисмана, оберега, в знак особого почитания покойного. С другой стороны, не менее древней традицией является сохранение и демонстрация головы или черепа поверженного врага — в этом случае он демонстрируется с целью манифестации свершившейся мести, казни, наказания, как военный трофей (как вариант, с аналогичной целью могут сохраняться отдельные кости, скальпы и т. п.). Наиболее распространенной практикой являлось выставление на всеобщее обозрение голов казненных преступников. Этот обычай устрашения был наиболее долгоживущим — например, в Японии он был официально отменен только в 1869 г. в ходе реформ Мэйдзи (*Мещеряков, 2009*. С. 215–216). Оба смысловых значения выставления черепов сближаются в значении апотропейной функции: голова героя, предка, павшего врага являлась, в первую очередь, вместилищем души, сущности покойного и, следовательно, источником силы, способной оградить от возможных негативных внешних воздействий. Частным случаем выставления головы можно считать выставление головы (черепа) на деревянном песте.

Бытование такого рода обрядовых действий у племен, населявших евразийские степи в эпоху раннего железного века, известны по упоминаниям в сочинениях античных авторов. Многообразие ритуального обращения с человеческими головами было характерно для народов Северного Причерноморья. Геродот, описывая обычаи скифов и их соседей, упоминает, в числе прочего, о скальпировании, сохранении голов в качестве трофеев, изготовлении ритуальных чаш из черепов предков (исседоны) или побежденных врагов (скифы). В частности, для тавров описано выставление отрубленных голов на столбе или на песте как элемент жертвоприношения богине-Деве и использование голов убитых врагов в качестве апотропея: «... приносят в жертву Деве потерпевших крушение мореходов и всех эллинов, кого захватят в открытом море, следующим образом. Сначала они поражают обреченных глубиной по голове. Затем тело жертвы, по словам одних, сбрасывают с утеса в море, ибо святилище стоит на крутом утесе, голову же прибавляют к столбу... С захваченными в плен врагами тавры поступают так: отрубленные головы пленников относят в дом, а затем, воткнув их на длинный пест, выставляют высоко над домом, обычно над дымоходом. Эти висящие над домом головы являются, по их словам, стражами всего дома» (Геродот. Кн. 4: «Мельпомена», 103).

Известны изделия скифской эпохи, запечатлевшие мотив водружения отрубленной головы. Возможно, что именно такое действие мы видим на так называемом «колпачке» из кургана IV в. до н. э. Курджипс (*Галанина*, 1980. С. 93, рис. 51). На внешней поверхности «колпачка» дважды повторена сцена с двумя воинами, держащими копье, направленное наконечником вниз, к земле. В свободных руках один из воинов сжимает меч, второй держит за волосы отрубленную голову. Можно предположить, что в сцене передан момент, непосредственно предшествующий водружению головы на тупой конец копейного древка. Примечательно, что предметы такого рода, неоднократно обнаруженные в элитных погребениях скифских воинов, — «большие золотые колпачки», «ворворки», убедительно интерпретированы исследователями как церемониальные воинские принадлежности — своеобразные футляры для ношения скальпов, снятых с убитых врагов (*Рябова, Черняков*, 2002), то есть имеют непосредственное отношение к манипуляциям с головами. Сцена с насаживанием отрубленной головы запечатлена на золотой пластине из собрания Романовича: в правой части пластины изображено тело павшего воина и победитель, уносящий его голову, насаженную на острие меча (?). Пластина рассматривается исследователями как украшение налобной части головного убора и датируется IV в. до н. э. (*Пильнская*, 1978. С. 99–100).

Следует отметить, что обычай водружения головы на пест в раннем железном веке не ограничен в культурном отношении только кочевниками евразийских степей. Аналогичные манипуляции с головами убитых распространены довольно широко среди индоевропейцев. В качестве примера можно рассмотреть обычаи кельтских народов Европы. Такой выбор обусловлен близостью кельтов и степных кочевников в плане стадийного развития — зарождения военно-потестарных образований со значительной ролью в социуме мужчин-воинов. Кроме того, кельтская культура сохранила эпические предания, хотя и записанные в гораздо более позднее время. Последнее является существенным преимуществом для анализа ритуальной практики и связанных с ней представлений.

Обычаи континентальных кельтов сохранять головы побежденных врагов в качестве трофея и похваляться ими упомянуты в трудах Страбона и Диодора Сицилийского. В частности, Страбон упоминает о «варварском и экзотическом» обычае галлов «...возвращаясь после битвы, вешать головы врагов на шеи лошадям и, доставив эти трофеи домой, прибавлять их гвоздями напоказ перед входом в дом... Головы знатных врагов галлы [сохраняли] в кедровом масле, показывали их чужеземцам и отказывались отдавать их [за выкуп] даже на вес золота». При этом Страбон ссылается на свидетельство Посидония, которому «самому пришлось наблюдать подобное зрелище во многих местах, хотя сначала он чувствовал отвращение, но потом, привыкнув, спокойно переносил его» (География. Кн. IV, IV, 5). По сообщению Тита Ливия, после гибели в бою консула Луция Постумия Альбина «Бойн с торжеством внесли его доспехи в храм, наиболее у них почитаемый: с отрубленной головы счистили все мясо и по обычаю своему обделали череп в золото: из него, как из священного сосуда, совершали по праздникам возлияния и пили, как из чаши, жрецы и предстоятели храма» (*Тит Ливий*, XXIII, 24).

Описания манипуляций с головами поверженных врагов характерны для ирландского героического эпоса. Сценами отсечения вражеских голов и упоминаниями их среди атрибутов героев переполнены саги уладского цикла: «Девять голов держал Кухулин в одной руке, да десять в другой и потрясал ими в знак своего бесстрашия и доблести» (Похищение быка..., 1985. С. 224). Голова была обязательной частью воинской добычи, причем, пожалуй, самой престижной — герои обязательно берут ее в качестве трофея, возят в колесницах, хранят в специально отведенных помещениях своих домов, демонстрируют на пирах, рассказывая о своей доблести. Характерно, что в знак победы голову поверженного противника нередко воздевали на копье, меч или иную опору — шест, сук дерева и т. п.: «Кухулин отрубил голову Орлама и воздел ее на виду у ирландцев»; «Будет воздета твоя голова на копье», — угрожает Кухулину Фер Диал.

Обычай сохранять голову врага и хранить ее при себе объясняется стремлением воспринять силу, свойства и могущество последнего. На последнее прямо указывает речь поверженного убийцы Кухулина, Лугайда, обращенной к мстителю Коналу: «Знаю я, что не уйдешь ты теперь без моей головы... Пусть же теперь будет моя голова при твоей голове, мое королевство при твоём королевстве, а мое оружие при твоём оружии» (Смерть Кухулина, 1985. С. 344). Более того, в своем исследовании ирландской мифологии Г. В. Бондаренко отмечает, что с головой победителю достается не только собственность врага, но и сама его личность, «победитель сам становится в какой-то мере своим побежденным врагом» (Бондаренко, 2015. С. 124). Не менее отчетливо в кельтской традиции прослеживается и апотропейная функция отсеченной головы. Наиболее яркий пример — уэльское предание о Бране Благословенном, изложенное во второй Ветви Мабиногиона. Король Бран был смертельно ранен в битве с ирландцами, после чего велел своим соратникам отрезать его голову и похоронить ее в Лондоне, «лицом к стране франков», чтобы беречь страну. Голова Брана охраняла Британию от нашествий саксов до тех пор, пока ее не выкопал король Артур, «...ибо не желал, чтобы чья-то сила защищала этот остров, кроме его собственной».

Среди кельтских древностей хорошо известны монументальные памятники, связанные с традицией сохранения голов. В частности, на святилище оппидума Антремон (Прованс) был найден фрагмент каменной притолоки с углублениями для размещения черепов побежденных и обезглавленных врагов, преподнесенные божеству в качестве трофеев. Кроме того, в самом святилище и на «священной дороге», которая туда вела, было найдено пятнадцать человеческих черепов. В некоторых из них проделаны отверстия, чтобы черепа можно было прибивать гвоздями или подвешивать. В одном черепе сохранился большой железный гвоздь (Широкова, 1985. С. 64–65). Широко известны аналогичные находки из оппидума Рокпертоз, также на юге Франции.

Таким образом, можно констатировать чрезвычайное сходство в способах посмертных манипуляций с головами (в том числе, и выставление на шесте или иной аналогичной опоре) у степных кочевников скифо-сибирского круга культур и материковых и островных кельтов. Этот факт объясняется, вероятно, не только стадильной и хронологической близостью данных культур, он подчеркивает всеобщность, архетипичность таких представлений и ритуалов. Смысловая нагрузка сохранения и публичной демонстрации голов умерших у населения эпохи раннего железного века в целом была связана представлениями о них как о вместилищах души, жизненной силы, индивидуальных качеств покойных. Они воспринимались как престижные трофеи и как могущественные магические предметы, ограждающие от разного рода опасностей.

Факт водружения голов на шестах на территории могильного поля курганов включает их в общий контекст погребально-поминальной обрядности. Следует отметить, что в материалах большереченских могильников лесостепного Приобья ранее уже были открыты следы аналогичных по содержанию ритуальных действий в виде одного-двух конских черепов, лежащих на дне рва, как правило, у перемычки — входа. Такие находки известны на могильниках Новый Шаран-2, курган № 1; Быстровка-1, курганы №№ 4, 5 и Быстровка-3, курган № 5 (Дураков, Мясельская, 1995. С. 48; Троицкая, Бородовский, 1994. С. 25). Т. Н. Троицкая предположила, что первоначально конские головы устанавливались на шестах у входа на погребальную площадку и трактовала эти находки как остатки тризны, во время которой съедались один или несколько коней, а голова сохранялась как вместилище жизненной силы, для воскрешения коня на том свете (Троицкая, 1983. С. 33). Позже А. П. Бородовский экспериментальным путем

доказал, что шесты с конскими черепами устанавливались после окончательного формирования насыпи кургана и имели отношение к поминально-охранительным действиям и ритуалам (Бородовский, 1996. С. 61). Представляется, что выставление человеческих голов можно рассматривать в аналогичном контексте, тем более, что в индоиранской и, шире — индоевропейской мифоритуальной традиции человек и конь занимают высшие места в иерархии жертв и могут быть взаимозаменяемы (Шишкин, 1999. С. 241–243). Защитные функции человеческой головы как своего рода оберега вполне соответствуют ее использованию при оформлении могильного поля или насыпи кургана.

Выводы. В результате палеоантропологического и трасологического изучения черепов, найденных в ритуальном комплексе насыпи кургана № 9 могильника Быстровка-2, впервые удалось зафиксировать на палеоантропологическом материале достоверные свидетельства ритуальной практики, подразумевающей выставление человеческих голов на шестах в течение длительного времени, и описать соответствующих комплекс повреждений.

Водружение голов, вероятно, было приурочено к завершающей стадии функционирования кургана (или могильника в целом — курган № 9 является одним из самых поздних в некрополе) и носило апотропейное значение.

- Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М., 1964.
- Бондаренко Г. В. Мифы и общество древней Ирландии. М., 2015.
- Бородовский А. П. Экспериментальное моделирование варианта поминально-погребальной обрядности эпохи раннего железного века (большереченская культура Приобья) // Интеграция археологических и этнографических исследований: Ч. 1. Новосибирск; Омск, 1996.
- Бородовский А. П. Проблема исторических корней обычая скальпирования в Западной Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1997. Т. III.
- Бородовский А. П. Раскраска тела погребенных в гунно-сарматское время на верхней Оби // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск, 1998. Т. 1.
- Бородовский А. П. Археологические памятники Искитимского района Новосибирской области. Новосибирск, 2002.
- Бородовский А. П., Зубова А. В., Поздняков А. В., Табарев А. В., Черемисин А. В. Археология насилия (интерпретация археологических, антропологических и образительных комплексов). Новосибирск, 2010.
- Валков П. В. Опыт эксперимента в археологии. СПб., 2013.
- Галанина А. К. Курджипский курган. Памятник культуры прикубанских племен IV века до н. э. Л., 1980.
- Герасимов М. М. Восстановление лица по черепу. М., 1955.
- Геродот. История в девяти книгах. Л., 1979.
- Дураков П. А., Малиновский В. Б., Мжельская Т. В., Троицкая Т. Н. Работы Новосибирского педагогического университета // Обзорные результаты полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. Новосибирск, 1995.
- Мжельская Т. В. Исследования могильника Быстровка-3 // 75 лет Новосибирскому областному краеведческому музею. Новосибирск, 1995.
- Зубов А. А. Одонтология. Методика антропологических исследований. М., 1968.
- Зубов А. А. Методическое пособие по антропологическому анализу одонтологических материалов. М., 2006.
- Ильинская В. А. Золотая пластина с изображениями скифов из коллекции Романовича // СА. 1978. № 3.
- Мабиногон. Волшебные легенды Уэльса. М., 1995.
- Мещеряков А. Н. Император Мэйдзи и его Япония. М., 2009.
- Похищение быка из Куальнге // Похищение быка из Куальнге. М., 1985.
- Семенов С. А. Первобытная техника. М.; Л., 1957. (МИА; № 54).
- Смерть Кухулина // Похищение быка из Куальнге. М., 1985.
- Страбон. География. М., 1994.
- Судебная медицина: руководство для врачей / Под ред. А. А. Матышева. СПб., 1998.
- Тит Ливий. История Рима от основания города: Т. 1. М., 1989.
- Троицкая Т. Н. Могильник Быстровка-1 как исторический источник // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. Новосибирск, 1983.
- Троицкая Т. Н., Бородовский А. П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск, 1995.
- Широкова Н. С. Oppida Южной Галлии // Страны Средиземноморья в античную и средневековую эпохи. Горький, 1985.
- Шишкин А. С. Животные в идеологии населения Новосибирского Приобья эпохи раннего железа // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999.
- Ярлова В. О., Черняков И. Т. Великі золоті ковпаки для скальпів у скіфів // Восточноевропейский археологический журнал. 2002. № 1 (14).
- Korobkova G. F. Narzedzia w pradziejach. Torin, 1999.